

ВМЕСТО ПРОЛОГА

Было темно. Огонек свечи только подчеркивал ночную тьму да плодил по углам жуткие тени. Но двум девочкам, устроившимся на одной постели под общим одеялом, все было нипочем. Горит свеча, рядом на лавке нянька прядет свою пряжу, так отчего бы не поболтать с двоюродной сестрой, приехавшей издалека погостить.

У сестры чудное имя — Амалия, и сама она чудная — всему верит. Ну, еще бы! В ее городе таких чудес не бывает.

— А еще, — одна сестра обняла другую за шею, — есть у нас тут Мертвый Дом...

— Чего? Какой — мертвый?

— А вот такой. Мертвый, и все. Туда не всякому дорога есть, а только самому смелому. Он в низине стоит, за околицей.

— А почему его мертвым зовут? Там не живет никто?

— Конечно, не живет! Все же умерли! Там жила большая семья — отец, мать, семеро детей, бабушка старенькая... А потом однажды зимой постучался к ним незнакомец. Погода была плохая, снег, метель, холодно...

— Что такое «метель»? — тут же переспросила Амалия.

Сестра прыснула со смеху, а потом вспомнила, что та живет на юге, у Русского моря, где морозов, метелей и снежных буранов не бывает.

— Это когда снег не с неба спокойно падает, а ветер его несет. С ног сбивает, не видно ничего... В общем, на улицу лучше не выходить... В общем, они незнакомого человека пожалели и пустили, чтоб отдохнул и обогрелся. А потом они все умерли.

— Кто?

— Ну все, кто в доме жил. Утром пошли его будить. Послали младшего сына — он ушел и не вернулся. Послали другого — он тоже не вернулся. Послали третьего... Короче говоря, все се-

меро ушли и не вернулись. Потом мать пошла... За нею — отец. И всё. А бабушка сама умерла — она старенькая была, за ней надо было ухаживать, а ухаживать некому. И тот человек пропал. А сокровище осталось.

— Какое сокровище?

— Ну то, которое он принес. Оно там до сих пор лежит.

— Ух ты! — Амалия придвинулась ближе. — В самом деле?

Нянька резко выпрямилась, бросив руки на колени.

— Да не слушайте вы ее, барышня! — воскликнула она. — Нет никакого мертвого дома! Сказки все это! Дети малые в них верят, а больше никто! А вам, Леокардия Львовна, совестно должно быть за такие речи. Вы уже почти взрослые, в гимназии учитесь, а такие глупости болтаете! Вот, смотрите, пожалуюсь мамаше-то!

— Замолчи, Дунька! — прикрикнула Леокардия. — Не твоего ума дело! Лучше сходи и принеси клюквенного морсу!

Нянька вздохнула, встала с лавки и пошла прочь, бормоча что-то себе под нос.

— Не обращай на нее внимания. — Одна девочка придвинулась ближе к другой. — Это она нарочно говорит. Тятенька ее за Ваську-конюха замуж не отдал, мол, от меня забирать неохота, вот она и злится. А Мертвый Дом есть. Я издалека видала, да одной боязно было подходить. Если не забоишься, с тобой вместе ходим. Только, чур, Дуньке ни слова!

Амалия кивнула.

А два дня спустя случилась беда: пошли девочки гулять и к обеду не вернулись. Дуньку, няньку, насмерть запороли — всё пытались правды от нее добиться, куда хозяйскую дочку с ее двоюродной сестрой девала. Та, пока говорить могла, все про Мертвый Дом твердила, да ей не поверили — думали, нарочно врет, чтоб отстали. Потом, конечно, по округе искали, все овраги, все берега реки Дебрянки проверили, а следов двух девочек так и не нашли.

Прошло несколько лет...

ГЛАВА 1

Манерно отставив мизинчик, старая дама пила свой вечерний кофий. Тикали ходики на стене. Только что пробило десять часов. В просторной кухне царил полумрак, разгоняемый лишь свечой на столе. За окном шумел под ветром старый сад, сухая ветка постукивала в ставень. Дерево опять хотело о чем-то попросить. И не надоело ему? Каждый раз при перемене погоды ноет, как застарелый ревматизм.

Тихо скрипнула дверь. От порыва сквозняка дрогнуло пламя свечи. Послышались мягкие тихие шаги.

— Ты опять? — Старая дама отхлебнула кофию. На самом деле она была не такой уж старой и предпочитала, чтобы ее называли пожилой. Что такое, в конце концов, для женщины шестьдесят шесть лет?

Шаги остановились рядом с ее стулом. Она не повернула головы.

— Чего пришел? Скучно?

В ответ раздался тяжелый вздох. Пламя свечи дрогнуло опять.

— Молчишь? Ну молчи-молчи...

Тонко скрипнули половицы, когда за спиной переступили с ноги на ногу. Пожилая дама не повернула головы.

— Скучно. — Она сделала еще один глоток, последний. Внимательно посмотрела на дно на собравшуюся внизу гущу. На несколько секунд прикрыла чашку ладонью, сосредоточилась — и резко перевернула ее на блюдце.

Опять скрипнули половицы.

— Погоди. Раз... два...

На счет «три» пожилая дама резко подняла чашку, всмотрелась в разводы кофейной гущи. Бóльшая часть гущи вылилась на блюдце и растеклась разводами и линиями — у гадательни-

цы было бурное прошлое. На стенках и дне чашки осталось не так уж много, и это заставило ее нахмуриться. Да, она не девочка, но зачем так явно намекать на то, что жизнь коротка?

— Ну-ка, ну-ка. — Она повертела чашку, рассматривая символы и линии. — Все не так уж плохо. Волна, корова, лягушка у дороги и веноч — удачное путешествие приведет к нам в дом гостя... Слышишь? Гостя!

В ответ раздался тихий вздох.

— Так, — пожилая дама продолжала вертеть чашку, — что это у нас? Петух и звезда? Желанное известие переменит ситуацию в мою пользу? И бабочка рядом... Одно к одному! Давно такого не было. Пожалуй, надо сообщить сестрам. Или не стоит? Как считаешь? Опять Виктория захочет всю славу забрать себе?

Ответом снова был вздох. Прерывистый, тоскливый.

— Не вздыхай! Ты же знаешь, как я этого не люблю! — Пожилая дама решительно поставила чашку на стол. — Пора собираться. Еще будет время обо всем подумать...

Бормоча себе под нос, она вышла из кухни. Забытая свеча погасла сама собой, но перед этим пламя ее взметнулось вверх, ярко осветив донышко чашки и проступившие там символы — ворон и весы, знак беды и неудачи. Но, прежде чем мрак окутал кухню, чья-то рука плеснула в чашку несколько капель воды, смывая знаки.

За окном послышался тихий свист — мимо пронеслось что-то большое. И снова наступила тишина, нарушаемая только тиканьем ходиков и чьими-то неторопливыми тяжелыми шагами.

Вздрыгнув, девочка проснулась, но продолжала лежать неподвижно, затаив дыхание и притворяясь спящей. В душе жила смутная надежда, что, если она будет лежать тихо-тихо, ее не заметят. Ведь чудовища, живущие под кроватью, только и ждут, чтобы схватить кого-нибудь за ногу — и съесть. Мама над нею все смеялась — мол, такая большая, двенадцать лет уже, а все веришь в эти глупости! Но девочка знала, чувствовала, что это не так — только не знала, как объяснить это своей маме.

Не открывая глаз, девочка прислушалась, пытаясь понять, что ее разбудило. Голоса? Ну да. Из комнаты родителей доносятся приглушенные возгласы. Разговаривают двое... Нет, кажется, три человека. Девочка различила высокий нервный го-

лос матери. Всегда чем-то взволнованная, нервно-восторженная («Смотри, Анна Рита, ну разве не чудо? Первая бабочка в этом году!»), сейчас она была так спокойна, что дочка даже сначала не узнала свою мать. Женщина говорила коротко, тихо, уверенно. Она успокаивала, увещевала, смиренно о чем-то просила. Девочка никогда прежде не слышала, чтобы у матери был такой ровный голос, и это ее напугало. Сердце застучало громче, грохотом отдавая в виски. Сквозь шум крови в ушах девочка не разбирала и половины слов. Слышала и узнавала только часто повторяющееся: «Успокойся!»

А вот отец — обычно сдержанный, рассудительный, почти никогда не смеявшийся и удивительно спокойный — на сей раз явно был взволнован. Голос его то и дело поднимался до истерических ноток, и девочка сообразила, что ее разбудило — возглас, почти крик отца: «Не надо!» И ответ матери — сухой, сдержанный, деловой: «Успокойся!»

Родители о чем-то спорили с... кем-то третьим. И этот третий почему-то представлялся девочке очень большим, тяжелым. Фантазия живо нарисовала существо размером со слона, которое каким-то чудом поместилось в родительской спальне, нависая над кроватью. Темно-серая тень, сгусток странной плоти на фоне ночной темноты. Существо разговаривало низким мягким голосом. Ни одного его слова девочка, как ни старалась, не могла разобрать. Но не сомневалась, что он — или оно? — сообщило ее родителям нечто такое, от чего отец здорово разволновался, а мать, наоборот, как будто оцепенела. Что же там происходит? И кто этот ночной гость?

Самым простым было встать и, подобравшись к спальне родителей, заглянуть в щелочку, но девочка была так напугана (а монстры, которые живут под детскими кроватками, по ночам так голодны!), что она даже не подумала высунуть из-под одеяла нос. Напротив, укрылась с головой, чтобы ее не сразу нашли, и лежала так долго, очень долго, пока от духоты не закружилась голова.

Тогда она тихо высунула наружу сперва только нос, вдыхая прохладный ночной воздух, а потом выставила и макушку. Но глаз открывать не спешила — подкроватные монстры очень коварны, они могут догадаться, если ребенок откроет глаза.

В доме царил тишина. Голоса родителей и того существа стихли. Как будто ей все приснилось — и испуг отца, и странное спокойствие матери, и... И кто был там, в их спальне?

Девочка задумалась, пытаясь вспомнить и представить себе ночного посетителя. Кто бы это мог быть? Может, под кроватями взрослых тоже живут свои монстры и один такой как раз вылез среди ночи? И папа испугался, как маленький мальчик, а мама, наоборот, пыталась его утешить, как... как мама конечно же!

Пытаясь представить себе, что за существо напугало папу, девочка неожиданно сообразила, что знает, о ком идет речь.

Это был *он*.

Он был чем-то вроде семейной тайны, которую тщательно берегут даже от родственников и тем более скрывают от соседей и прислуги. О нем почти не говорили — во всяком случае, открыто в присутствии ребенка. Но девочка догадывалась, что папа и мама что-то от нее скрывают — слишком веселой была ее мать, слишком спокойным, даже каким-то равнодушным — ее отец. Ни одна няня в их доме не задерживалась — все уходило через несколько недель. Последняя как ни в чем не бывало дождалась, пока родители придут домой, чтобы сдать им подопечную, и заявила: «Я больше не буду работать в доме, где происходят такие странные вещи!» А когда мама начала расспрашивать, что она имеет в виду, няня ответила: «Вы сами это прекрасно знаете! Незачем повторять!» Именно поэтому девочку в конце концов и отдали в гимназию, не настаивая на домашнем обучении, — пусть хотя бы не весь день сидит одна, заодно получает образование. Горничные в их доме тоже менялись чуть ли не каждый месяц, и лишь старый отцовский лакей Парфен оставался при семье. Он говорил, что слишком стар для того, чтобы чего-то бояться.

Девочка тогда впервые крепко задумалась — и действительно, вспомнила все странные совпадения, все необъяснимые мелочи вроде внезапно появлявшихся и исчезавших вещей и подозрительных писем. Они приходили сами. Их не доставлял почтальон — просто время от времени на полу у входа оказывался белый конверт без имени и адреса. Мама быстро читала письма — коротенькие, из нескольких строчек, — а потом жгла их в пламени свечи и шла мыть после этого руки. Папа спрашивал: «Опять?» И она в ответ восклицала: «Ну а как ты думаешь?» И много чего еще...

Первые несколько лет, пока не родилась дочка, родители много раз переезжали, но, когда появился ребенок, перестали

мотаться с места на место. «Нельзя все время ездить! — говорила мать. — Однажды надо остановиться».

А через несколько дней после ухода няни предоставленная самой себе девочка случайно подслушала разговор родителей. Они спорили о ком-то, называя его — *он*. Как обычно, мама говорила много, эмоционально, ходила по комнате, вскрикивала, а папа отвечал ей односложно: «Да», «Нет» либо «Может быть». Девочка поняла, что родители ждут *его* уже давно, но надеются, что *он* никогда не придет. Что *он* постоянно где-то рядом и что можно, конечно, снова переехать, но тогда придется переезжать постоянно, а бегство — это не выход, тем более от этого дома. Надо подумать о дочери, о том, что ей придется бросать занятия в гимназии, которую и так нашли в провинции с превеликим трудом, а на домашнее обучение нет средств. Все равно *он* рано или поздно достигнет, причем в самый неподходящий момент, и тогда... Лучше оставить все как есть и попытаться подготовиться к встрече.

Девочка пробовала расспрашивать маму, но та, готовая часами разговаривать на любые другие темы, на этот раз онемела, хлопая глазами. Страх мелькнул в ее глазах, она встрепенулась, готовая то ли бежать, то ли прятаться, судорожно стиснула руки...

— Ты откуда это взяла? — поинтересовалась она, когда смогла успокоиться.

— Услышала. Вы громко говорили, а я...

Девочка осеклась и вскрикнула — мать впервые в жизни ударила ее по губам.

— Не смей! — прошипела она дочери. — Никогда не смей подслушивать! Однажды это может закончиться для тебя очень плохо!

Напуганная девочка пообещала больше никогда никого не подслушивать, но раз или два все равно ей случалось уловить обрывки разговоров родителей. Они возвращались к этой теме, когда думали, что дочка уже спит:

— Может быть, пора ей рассказать?

— Нет.

— Но девочка должна знать. Она достаточно взрослая, чтобы смотреть в лицо...

— Нет, Альберт! Нет!

— Это могло бы ей помочь...

— В чем? Это наша жизнь, а не ее. Если уж на то пошло, то

это *моя* жизнь! Я вас в нее не звала! И ты и Анна Рита пришли в нее сами! И решать только мне!

— Но если *он* снова...

— Нет! Не хочу ничего слышать! Замолчи! Не хватало еще, чтобы она услышала лишнее!

— Рано или поздно ей придется услышать.

— Лучше поздно, чем рано! А лучше — вообще никогда.

— Но, милая...

— Это моя проблема, Альберт! Только моя! И если *он* сюда явится, у меня найдется, чем ему ответить!

В конце концов девочка поняла, что таинственный *он* как-то связан с прошлым ее мамы. Мама рассталась с ним до того, как встретила папу и вышла замуж. Таинственный *он* маму не простил, и теперь неизвестно, что задумал. Ей — и родителям — оставалось только ждать...

И вот теперь *он* пришел. Пришел неожиданно, под покровом темноты, огромный, как слон, и такой же тяжелый, но в то же время мягкий и пушистый. И до полусмерти напугал вечно спокойного папу и странным образом успокоил вечно нервную маму. Девочка поняла, почему так произошло. Мама столько лет волновалась, ожидая его прихода, столько из-за этого нервничала — а теперь *он* пришел, и волноваться стало незачем. Ведь все уже случилось. Это как у зубного врача в кабинете: ты мучаешься с больным зубом, потом приходишь, садишься в кресло. Доктор осматривает твой рот, потом берет жуткого вида щипцы — становится еще страшнее, так страшно, что даже боль немного отступает! Он дергает зуб — больно ужасно! — а потом все заканчивается. На месте больного зуба дырка, остается прополоскать рот и успокоиться. Боль прошла и никогда не вернется. И мама сейчас словно вышла из кабинета зубного врача, все еще держась за щеку, но уверенная, что самое страшное — позади. Но почему нервничал папа? Может, он просто испугался его? Интересно, как *он* выглядит? Если огромный и пушистый, стало быть, не человек? А кто?

И только девочка так подумала, как за дверью послышались тихие шаги. Кто-то большой и тяжелый, как слон, медленно и плавно переступал с ноги на ногу. Казалось, шаги гулко отдавались во всем доме — от пола до потолочных балок. И девочка, у которой было нормальное детское воображение, почему-то подумала, что так мог шагать весь их дом.

Она затаила дыхание, сжавшись под одеялом в комочек и высунув наружу только самый кончик носа. Глаза были плотно зажмурены — до красных и зеленых пятен под веками. Двумя руками она вцепилась в край одеяла — удержать, если будут стаскивать. От страха сдавило горло, в висках сильнее застучала кровь. Она стиснула зубы, чтобы не кричать. Монстры под кроватью, а теперь еще и это... И мама с папой далеко. Нет, они рядом, их спальня в том конце коридора, но крикнуть и позвать на помощь нет сил. И страшно кричать — вдруг *он* услышит? Значит, девочка осталась одна на целом свете. И даже старый Парфен тут не поможет. Что сделает старый лакей чудовищу на мягких слоновьих ногах?

Тяжелые шаги медленно, слишком медленно приблизились. Потом стали удаляться. *Он* ходил по дому. Прошел еще раз по коридору, заглянул в одну комнату, потом в другую — было слышно, как *он* переступает порог и топчется там, внутри, — после спустился на первый этаж, долго топал в кухне и прихожей. Почему его не слышат ни Парфен, ни новая горничная Стеша? Ну Парфен старый, спит крепко, да еще если выпьет малость, но Стеша-то!.. Ведь *он* там топчет прямо у людской!

Затем опять заскрипели ступени — *он* поднимался вверх. Дошел до ее двери. Остановился. В какой-то миг девочка подумала, что сейчас *он* переступит порог и войдет. Ее дверь не запиралась — достаточно было толкнуть ее и... А чем толкнуть? А что, если у него нет рук?

Воображение тут же нарисовало странное существо с двумя толстыми ногами, без рук, с головой, растущей прямо из плеч, с двумя горящими в темноте глазами и с длинным хоботом, заканчивающимся почему-то несколькими гибкими червеобразными отростками, покрытое густой шерстью грязно-рыжего цвета. И больше — ничего. Ни рта, ни ушей, ни хвоста. Чем оно разговаривало? Неизвестно.

Существо некоторое время простояло за дверью. Не было слышно шагов, оно — *он!* — не переминалось с ноги на ногу. Но девочка была уверена, что ночной гость все еще там. Горят круглые глаза, чуть подрагивает длинный хобот. *Он* чего-то ждет. Какого-то слова? Знака?

Девочка лежала неподвижно, боясь шевельнуться, боясь вздохнуть, боясь выдать себя. Удушье и страх навалились на нее, как две пуховые перины. Она терпела, стиснув зубы, и вне-

запно почувствовала, что осталась одна. Кто бы там ни был, *он* ушел, исчез, отступил. В доме было тихо. Слишком тихо. Подозрительно тихо, словно не осталось ни одной живой души. Но девочка не задумывалась об этом. Она так обрадовалась исчезновению ночного гостя, что почти сразу уснула.

И ей приснился слон. Обычный серый слон в цветной попоне, как в бродячем цирке, который проходил через их городок прошлым летом и задержался для единственного представления. Вот только этот слон не танцевал под музыку и не кидал хоботом мячи, а просто стоял и смотрел, переминаясь с ноги на ногу.

Три пожилые дамы сидели на скамейке в парке.

Парк на окраине города был молодым. Еще несколько лет назад тут была роща, принадлежавшая одной помещице. Скончавшись в богадельне, старушка завещала городу свой особняк в центре и эту рощу на окраине. Отцы города скинулись кто сколько может и сделали из рощи городской парк: разметили дорожки для прогулок, вырубili старые больные деревья и заросли кустарника. Личный архитектор городского головы генерала в отставке господина Вышезванского разбил лужайки, украсил дорожки декоративными кустами, почистил пруд и устроил целый каскад из ручьев. Сделали новые мостки на берегу пруда и устроили там лодочную станцию, где каждый мог взять напрокат лодку и летом прокатиться по тихой глади пруда, любуясь на растущие вокруг ивы. Даже закупили несколько статуй, которые расставили на клумбах. Хотели так же оборудовать фонтан, как в столичном Веселом парке, но денег не хватило.

Но все же часть парка так и оставалась запущенной, и здесь на старой скамейке, которая чудом избежала починки и покраски, сидели три пожилые дамы.

Собственно, в этом еще не было ничего необычного — нет закона, запрещающего пожилым дамам сидеть на скамейке в парке, — но дело было поздней ночью. Час тому назад сторож запер ворота парка. Он не тратил время на совершение обхода — с полудня задувал холодный ветер, пару раз принимался капать мелкий дождик. Посетители убрлись из парка, не дожидаясь вечера, и никто не видел трех пожилых дам, сидевших на скамейке.

Собственно, пожилыми их можно было назвать весьма

условно — двум из них на вид было лет около сорока — пятидесяти, и лишь одной было чуть за шестьдесят. Они долго сидели и смотрели сквозь ветки кустарника на рябую от ветра поверхность пруда. Все трое прекрасно видели в темноте и не нуждались ни в фонарях, ни в луне и звездах.

— Она заставляет себя ждать, — негромко произнесла самая молодая, пышнотелая, довольно небрежно, как-то по-деревенски одетая рыжеволосая женщина. — Как всегда!

— Что поделатъ, — вздохнула ее соседка. — До полуночи еще есть время.

— Совсем немного, — продолжала рыжая, запрокинув голову, словно что-то могла рассмотреть в разрывах туч. — Не более получаса.

— Мы ждем совсем недолго, — откликнулась третья. Она сидела удивительно прямо, двумя руками держась за трость, и, пожалуй, единственная из всех имела право именоваться старухой. — Имейте терпение!

Резко, словно сквозь них продирался кто-то большой и тяжелый, зашумели ветки деревьев у них над головами. Потом что-то упало на траву с ближайшего дерева, и почти сразу слышался голос:

— Перемываете косточки?

Три дамы вздрогнули и обернулись — возле дерева стояла довольно-таки богато одетая молодящаяся брюнетка с вуалью вдовы на шляпке.

— Сестра Виктория, вы, как всегда, точны! — промолвила старшая из трех дам, поджав губы.

— В отличие от вас у меня есть в городе дела, — откликнулась та, обогнула скамейку и уселась на край. — Что случилось?

Дамы переглянулись. У их знакомой Виктории имелась небольшая лавочка, где та торговала кустарными сувенирами и настойками собственного изготовления. Два городских аптекаря недолюбливали ее, но поделатъ ничего не могли. Лавочку давно бы уже прикрыли, если бы не супруга городского головы, его высокоблагородия господина Вышезванского, которая утверждала, что ей от мигреней помогают только капли матушки Виктории.

— Что случилось? — повторила она.

Дамы переглянулись, словно застигнутые на месте преступления.

— Моя племянница, — наконец выдавила старая дама с тростью и как-то сразу съежилась под взглядом Виктории.

— Та самая?

— Да.

— Что с нею?

— Ничего. Пока ничего. Но я получила знак. И завтра на рассвете выезжаю к ней.

— Почему? Она собирается вернуться?

— Не знаю. Но моя поездка к ней будет очень удачна. Я собираюсь вернуться не одна! — И она гордо выпятила подбородок.

— Елена возвращается? — встрепенулись остальные слушательницы. — Как? Почему ты нам ничего не сказала, сестра Маргарита? Вот так сюрприз! — посыпались восклицания со всех сторон.

— Я хотела сохранить все в тайне, — поджала губы та, которую назвали сестрой Маргаритой. — Кроме того, знаки, полученные мною, нельзя толковать однозначно. Но, как бы то ни было, мы можем снова надеяться.

— А я сообщу куда следует, — решительно сообщила Виктория.

Три дамы вздохнули, но ничего не сказали — в подобных делах последнее слово всегда оставалось за нею. И останется таковым еще долго.

Где-то в парке заухала сова. Ей ответила другая. Испуганно заорали сонные вороны, захлопали крыльями в ветвях огромных тополей. Дамы с тревогой огляделись по сторонам, а потом одна за другой поднялись со скамейки и, коротко попрощавшись, отправились по дорожкам в разные стороны. Задержалась только Виктория. Она поднялась последняя, не спеша обошла скамейку и, подойдя к ближайшему дереву, с удивительным для ее возраста и сложения проворством полезла наверх. Не прошло и минуты, как она скрылась в кроне.

Налетел ветер. В его вихре что-то большое пролетело над парком и скрылось вдали.

Утром девочка проснулась поздно. Обычно ее будила мама — наклонялась, гладила по голове, целовала в щеку и говорила что-нибудь ласковое. Например: «Доброе утро, малышка! Открывай глазки! Пора собираться на занятия!» А сегодня утром мама не пришла.

Девочка встала, сунула ноги в домашние туфли, прислушалась. В доме кто-то был, и она сначала обрадовалась: раз есть люди, значит, все идет, как обычно и *он* только приснился. За стеной в противоположном конце коридора слышались шаги, голоса. Всхлипывала и приглушенно причитала какая-то женщина. Наверное, кухарка, сообразила девочка. Она жила во флигеле и ночевать уходила к себе, но приходила на рассвете и вместе со Стешей хлопотала по хозяйству, иногда приводя и своего чуть придурковатого, но очень сильного сына — если старику Парфену требовалась помощь. Да, наверное, это она. Но почему она... плачет? И почему ей отвечают чужие голоса? А где папа и мама?

Девочка распахнула дверь.

В противоположном конце коридора возле спальни ее родителей толпились незнакомые люди — все в мундирах и сюртуках. Дверь в комнату была распахнута. На пороге всхлипывающая кухарка что-то рассказывала незнакомому человеку в синей форме городского.

— Мавра Игнатьевна? — позвала девочка. — А что слы...

Слова замерли у нее на губах — кухарка глухо вскрикнула и бросилась к ней. Обняла большими мягкими руками, прижала к переднику и зарыдала в голос.

— Бедная ты моя, несчастная, — слышалось сквозь рыдания.

Девочке стало страшно. Защищало в носу, горло перехватило.

— Мама? Где мама?

Мавра Игнатьевна запричитала громче.

— Позвольте, — городской оказался рядом, — ты кто? Дочка? Как тебя зовут?

Девочка взглянула в пронзительные глаза чужого человека.

— Анна, — тихо прошептала она. — Анна Рита...

Папе не нравилось такое имя. «Либо Анна, либо Маргарита! — говорил он. — И никак иначе!» Но мама настояла на своем. Тем более что ее фамилия была самой для этого подходящей — Сильвяните.

— Это дочка... их, — всхлипнула кухарка.

— Понятно, — протянул городской. — Скажи, ты ночью что-нибудь слышала?

— Слышала, — кивнула она.

— А что? — Мужчина подобрался, достал откуда-то блокнот и карандаш, приготовившись записывать. — Расскажи.

— Я слышала, — Анна Рита посмотрела на соседку, потом попыталась из-за спин взрослых увидеть, что происходит возле спальни родителей, — голоса. И шаги. По дому кто-то ходил.

— Чьи голоса?

— Мама, папы и... — Она осеклась, не зная, стоит ли говорить про *него*. — Не знаю.

— Незнакомый голос?

— Да.

— Мужской или женский?

— Не знаю. — Девочка ни разу не задумалась над этим и впервые растерялась, отвечая на вопросы. — Слишком тихо говорили. Я не знаю, о чем...

Мавра Игнатьевна всхлипывала и время от времени что-то шептала прерывистым дрожащим шепотом.

— А кто ходил?

— Не знаю. Я лежала тихо-тихо...

— И в комнату к тебе никто не заходил?

Анна Рита помотала головой.

— И ты сама не выглядывала и ничего не видела?

— Нет. Я... испугалась.

— Хорошо. — Городовой выпрямился, убрал блокнот, в который записал всего одно или два слова, и неловко погладил девочку по голове, кивнув кухарке. — Можете отвести ее на кухню и накормить. А ты, — он задержал ладонь на растрепанных со сна волосах девочки, — если что-то вспомнишь, обязательно расскажи.

Женщина взяла девочку за руку, но Анна Рита вырвалась:

— Я хочу знать, что случилось с мамой и папой!

Мавра Игнатьевна посмотрела на городского и вдруг тоненько завyla, кусая платок. Это было жутко. Так жутко, что Анна Рита молнией сорвалась с места и кинулась бежать в распахнутые двери спальни родителей.

Закричали взрослые: «Ребенок! Держите! Не пускайте!» Но девочка ловко увернулась от пытавшихся задержать ее рук, проскочила у кого-то под боком, кого-то отпихнула, врезавшись в живот, у кого-то еще протиснулась между ног — и замерла.

Мама лежала на постели, закрыв лицо рукой, словно не хотела видеть чего-то ужасного. Из-под локтя был виден только разинутый рот. Вторая рука тянулась к горлу — скрюченные пальцы вцепились в ночную рубашку у самого ворота. Папа

скорчился на полу лицом вниз. Одна рука протянута к постели, другой он тоже, судя по всему, держался за горло или грудь. Все это Анна Рита увидела в единый миг и запомнила в мельчайших подробностях: скомканное одеяло, слетевшие с ног папы ночные туфли, рассыпавшиеся из-под чепца волосы матери — огненно-рыжие, сейчас они разметались по подушке, и казалось, будто голова мамы в огне.

А потом ее схватили за локти и потащили вон. Оцепеневшая от изумления девочка не сопротивлялась.

Она не плакала. Слезы были где-то там, внутри. Они рвались наружу вместе с испуганными воплями и визгом, но Анна Рита молчала. Несколько недель назад был день ее рождения. Ей исполнилось двенадцать лет. Мама подарила ей книгу сказок и плюшевого медведя. Нелепого, в криво сшитой курточке, которую никак не получалось застегнуть на все пуговицы. Медведь продавался в магазине под вывеской «Уцененные товары», и мама купила его, подчиняясь какому-то порыву. Купила и сунула дочери с таким выражением лица, словно отдавала свою игрушку. Они тогда бродили по городу, пили в кафе шоколад и ели мороженое. И мама купила медведя...

А теперь Анна Рита сидела на кухне, уже переодетая в домашнее платье, как подушку, прижимала этого медведя к животу и пыталась осмыслить происходящее.

Мама и папа умерли. Ни один человек из тех, что осматривали их тела, не мог сказать, отчего это произошло. Не было ни крови, ни ран. Они оба ничем не болели. У них не было врагов, чтобы кто-то мог пожелать им смерти. И два человека одновременно скончались от неизвестных причин. И никто ничего не знал. Никто ничего не видел и не слышал.

Анна Рита знала. Знала или догадывалась, что их убил *он*. *Он* приходил к родителям, и от этого оба умерли. Проходя на кухню первым этажом, она увидела открытую комнату Парфена и поняла, что старик лакей тоже мертв. И знала — догадывалась, — что мертва и Стеша. И все это сделал *он*. *Он* убил ее родителей. *Он* точно так же убил Стешу и старого Парфена — наверное, просто потому, что они оказались в этом доме. *Он* хотел убить и девочку, но почему-то не смог войти в ее комнату. Не мог или не захотел? Как бы то ни было, она осталась совершенно одна на белом свете и должна быть сильной. Ведь ей надо самой о себе позаботиться. Только как это сделать?

Все еще всхлипывающая Мавра Игнатьевна поставила перед нею кружку теплого молока и тарелку, где лежал кусок хлеба с маслом. Но у Анны Риты не было аппетита. Она только сделала один глоток молока, почувствовала на губах противную пенку, вспомнила, как мама, поджав губы, всякий раз ногтем, воровато оглянувшись, как девочка, подцепляла пенку и стряхивала на поднос... И тут слезы закапали сами собой. Безо всяких усилий, словно где-то внутри проткнули дырку.

Так она сидела и тихо плакала над своим медведем и остывающим молоком, когда вошел знакомый городовой. Кухарка, уже немного успокоившись, поинтересовалась у него:

— Ну что?

— Тела увезли. В мертвецкой их еще раз осмотрят и, может быть, установят причину смерти. Пока ничего нельзя сказать... У старика-то ясно — сердце не выдержало. А вот остальные... Все молодые, здоровые... Сделайте мне чаю, будьте любезны!

Он присел к столу рядом, посмотрел на девочку. Анна Рита тихо плакала и никак не могла остановиться.

— Какой ужас. — Мавра Игнатьевна поставила перед мужчиной большую чашку, положила на тарелку куски белой булки с маслом. — Что теперь будет?

— С девочкой? Надо разыскать ее родных. Анна Рита, — он сверился с блокнотом, — у тебя есть кто-нибудь, кроме мамы с папой?

Она подняла голову. Из-за слез лицо городового расплывалось перед глазами в мутное серо-розовое пятно:

— Не знаю.

— Не стесняйся меня, — сказал мужчина, — я — служитель закона, и ты должна разговаривать со мной откровенно.

— Не было у них никого, — встряла кухарка на правах старой городской сплетницы. — Здесь, то есть в Реченске. Приезжие они, издалека откуда-то. То есть где-то у господина Альберта были родственники и у госпожи Елены тоже. Но где они и что с ними? Не знаю. Не любили они об этом говорить. Жили уединенно, никого не принимали, хозяйство я у них вела — Стешка-то тут недавно, второй месяц всего, а со старика Парфена какой спрос был? А отчего же людям добра не сделать? Платили они хорошо, не скупясь. Видно было, что деньги водились и, — тут кухарка воровато оглянулась на девочку и чуть понизила голос, — видно же было, что могли бы жить и на широкую ногу, а ровно стеснялись.

— Вы можете приютить девочку на первое время? Пока мы разыщем ее родных?

Соседка отчего-то смутилась и пошла красными пятнами.

— Ой, не знаю, — замахала она руками. — Здоровья у меня уже нет. Да и времени тоже. И сынок у меня... хоть и здоровым вырос, а ума бог не дал. Мне же теперь весь город по делам-то оббегать придется, некогда за девочкой-то присматривать... Может быть, ее пока в приют? — добавила она с робкой надеждой. — В монастырь какой, а?

Скрипнула дверь.

— Не нужен приют. И монастырь тоже отменяется, — раздался незнакомый женский голос. — Девочка поедет со мной.

Все — даже Анна Рита — повернули головы. На пороге стояла пожилая дама в дорожном платье, с саквояжиком в одной руке и тросточкой в другой. Эффектная, хотя и старая шляпка решительно сдвинута набок так, что из-под нее выбиваются седеющие буколки. На лице гримаса скорби пополам с презрением, как будто умер некто, при жизни не достойный сочувствия и понимания. Она решительно прошла на кухню и постучала тросточкой по стулу, на котором сидел городской:

— Уступите даме место!

Тот встал. Даже не встал — вскочил, словно его дернули за шиворот, и сделал движение, словно хотел поклониться.

— А вы, простите, кто? — опомнившись, одернул сам себя.

— Не ваше дело, — гордо отрезала пожилая дама, но потом сменила гнев на милость: — Мое имя — княгиня Дебрич. Я прихожусь девочке двоюродной тетей. Ее мать была моей родной племянницей.

Взгляды гости и мужчины встретились.

— Тетя? — переспросил городской. — Но откуда вы взялись?

Он как зачарованный смотрел в глаза пожилой дамы. Лицо его окаменело, двигались только губы.

— Я приехала погостить, — объяснила та. — У меня есть письма моей племянницы, в которых она настойчиво просит меня приехать и немного пожить у них. Я откликнулась на просьбу — и вот я здесь. Но, судя по тому, что узнала, не мне надо гостить здесь, а моей внучатой племяннице — у меня.

Откуда-то в ее руке взялась пухлая пачка писем, перетянутых шелковой ленточкой. На конвертах был четко выведен адрес — письма действительно были отправлены отсюда. Гостья

развязала ленточку, достала одно наугад и протянула городовому. Тот вздрогнул, словно пробуждаясь от сна, взял письмо, послушно пробежал глазами несколько строк. Потом распечатал второе, третье...

— Ну? Вы убедились? — усмехнулась княгиня Дебрич.

— По-моему, — не сдавался служитель закона, старательно отводя взгляд от гипнотизирующего взора собеседницы. В ее глазах было нечто странное. Он едва не утонул в них — спасли только письма. — По-моему, надо сначала спросить мнение девочки!

Пожилая дама подалась вперед, вперив взгляд своих ярко-голубых, чуть навывкате глаз в самое лицо Анны Риты:

— Ты поедешь со мной, девочка?

Та сидела, затаив дыхание, и не могла понять, что происходит, тоже зачарованная этим взглядом.

— Но простите, — не сдавался почувшавший что-то городской, — есть же закон...

— Закон гласит, что дети должны жить в семье или у родственников, — отрезала гостя. — Семьи у девочки нет, но есть родственница, которая готова позаботиться о сироте. Так и запишите! Тем более что мы уже знакомы. Ты ведь помнишь меня, моя милая?

Анна Рита как парализованная смотрела в лицо приезжей дамы. События в ее маленькой жизни развивались так быстро, что ей требовалось время на то, чтобы понять происходящее. Но едва прозвучало слово «милая», как ее словно ударили. Она вспомнила...

Уроки в третьем классе кончились всего несколько дней назад, но девочка уже успела соскучиться. В женской гимназии Реченска занималось примерно две дюжины девочек от восьми до четырнадцати лет, так что все ученицы были друг другу подружки. С некоторыми она болтала на переменах и потом играла и делала уроки после занятий в одном из свободных классов. Потом за девочками приезжали лакеи и няни, а Анна Рита оставалась в классе до последнего — папа много работал, и мама часто помогала отцу, хотя это и выглядело нелепо и предосудительно в глазах соседей. Елена Сильвяните была единственной женщиной в городе, которая работала, и забегать за дочкой в гимназию могла только вечером. Елена Сильвяните не доверяла свою дочь служанкам.

Но сейчас были каникулы. Занятия в гимназии прекратились, и девочка целыми днями была дома. Кухарка Мавра Игнатьевна и очередная новенькая горничная, как могли, развлекали ее, отправляли гулять и кормили обедами, но Анне Рите все равно было скучно.

Конечно, в комнате она не сидела — как-никак на дворе было лето. Большую часть дня девочка была во дворе перед домом или бродила с горничной по улочкам их маленького городка — в основном эти прогулки совмещались с походами на базар и в лавку. Но в тот день, разморенная жарой, та задремала на скамейке в тени кустов сирени, и Анна Рита потихоньку ушла. Задумавшись, она направилась не в ту сторону, куда они обычно ходили гулять, а в противоположную. И сама не заметила, как забрела на окраину города к раскинувшемуся под летним солнцем зеленому лугу. Весной они с мамой несколько раз ходили сюда за первоцветами.

Сейчас здесь было полным-полно одуванчиков, чистотела, клевера, подмаренника, мышиного горошка и многих-многих других цветов, названия которых девочка не помнила. Было светло и жарко. Гудели пчелы. Замирали на миг, а потом срывались с места мухи-журчалки, порхали бабочки.

Девочка долго бродила среди разнотравья, собирая букет. Потом, утомившись, прилегла в траву, бросив сорванные цветы рядом. Тут было так тихо, спокойно. В вышине, далеко-далеко, даже не вдруг увидишь, слышалась песня какой-то птицы. От сладкого запаха травы и цветов, от тепла нагретой земли, от яркого солнца глаза закрывались сами собой. И Анна Рита только собралась вздремнуть, как на нее упала чья-то тень.

Какая-то пожилая дама в строгом темном платье, наглухо застегнутом на все пуговицы, в шляпке и с зонтиком стояла перед нею, поджав губы. Застеснявшись, девочка поспешила вскочить.

— Ты что тут делаешь? — поинтересовалась дама. — Совсем одна и так далеко от дома? Ты разве не знаешь, что маленьким девочкам нельзя ходить в одиночестве?

— Я уже большая, — попробовала заспорить Анна Рита. — Я в гимназию хожу.

— Ходишь? Одна?

— Нет. Меня водят мама или папа по очереди. А забирают меня только вечером, потому что маме и папе надо, — она сму-

тилась, зная, что многие не одобряли ее родителей, — маме надо много работать...

— А где твоя няня? — Дама зорко оглядела луг. Но сегодня на нем не было ни души, как, впрочем, и в другие дни. — Почему ты убежала от своей няни?

— Она... у меня ее нет, — со вздохом призналась девочка.

— Почему?

Анна Рита пожала плечами. Что сказать? Не любят няни их дом, и все тут! А как это объяснить постороннему человеку?

— Не можешь или не хочешь говорить? Хорошо. — Дама посмотрела на нее испытующе, окинув цепким взглядом с ног до головы. — Придется мне заняться тобой! Как тебя зовут?

— Анна Рита. Анна Рита Сильвяните.

— Отлично, милая. Ты ведь дочь Елены?

Девочка кивнула, даже не подумав поинтересоваться, откуда незнакомой даме известно ее имя. От соседей, наверное. В Реченске половина народа друг друга знает лично, а про другую половину много раз слышала.

— Но мне не нравится твое имя — Анна Рита. Слишком длинное.

— Папе оно тоже не нравится, — сказала девочка. — Он говорит, что двойные имена сейчас не в моде. Во всяком случае, в нашей стране.

— И он правильно говорит. Я буду звать тебя просто Анной, хорошо, милая?

— Хорошо, — согласилась девочка. — А как вас зовут?

— Зови меня тетей Маргаритой. Хотя на самом деле я прихожусь тебе двоюродной бабушкой, но будет лучше, если ты станешь звать меня тетей. Но, впрочем, это совершенно не важно. А важно то, что мы с тобой наконец-то познакомились. И будет лучше, если мы станем держать наше знакомство в секрете.

— Почему? — удивилась девочка.

— Потому, что я не могу прийти в твой дом без приглашения твоей мамы. А Елена ни за что не захочет меня позвать.

— Вы поссорились? — догадалась Анна Рита.

— И да и нет. Придет время, я все тебе расскажу. Не сегодня. Сегодня я хотела бы погулять. Ты составишь мне компанию?

Девочка подняла свой букет с травы и кивнула, шагая на тропинку.

Потом они долго гуляли по лугу, дошли до опушки соседней рощи, прошли вдоль ее края до маленькой, на четыре двора, деревеньки, где в крайнем доме им налили по кружке молока и дали по куску отрубного, теплого, только-только из печи хлеба. Немного отдохнув, они отправились назад той же дорогой, что и пришли, и лишь недалеко от города их немного подвез какой-то экипаж. Все, что девочке запомнилось из этого долгого путешествия, это как раз угощение на крыльце деревенского дома — молоко и хлеб. А вот о чем они беседовали с тетей Маргаритой — напрочь стерлось из памяти. Более того, когда дома Анна Рита пыталась рассказать родителям о своей прогулке и знакомстве с тетусшкой, неожиданно выяснилось, что она никак не может вспомнить, как пожилая дама выглядела. Пришлось выдумывать на ходу. В конце концов она запуталась даже в том, что касалось цвета ее платья, и родители, конечно, не поверили. Наверное, она действительно уснула в траве и все это ей приснилось.

Так Анна Рита думала до сегодняшнего дня, когда всего одно сказанное слово разбудило в ней воспоминания.

— Ты вспомнила?

— Да. Вы уже один раз приезжали. Мы гуляли на лугу, потом зашли в одну деревню, пили молоко и...

— Вот видите! — Маргарита Дебрич смотрела победительницей. — Девочка меня узнала!

Городовой был сражен.

— Иди и собирай вещи, — распорядилась тетя. — Возьми ровно столько, сколько можешь унести. Мы не задержимся в этом доме ни на минуту.

— Но это ее дом! — попробовала вступить в разговор кухарка.

— Ей нельзя тут оставаться. — Новоявленная тетусшка стукнула тростью по полу. — Дом, где произошло убийство, — неподходящее место для ребенка! Она должна уехать отсюда, и как можно скорее...

— И куда вы ее увезете?

— К себе домой. В Дебричев, откуда, кстати, родом ее мать... Ну что ты сидишь? — внезапно напустилась тетя на Анну Риту. — Ты поедешь со мной? Или тоже хочешь умереть, как твои родители?

Девочка тихо сползла со стула. Ей и в голову не пришло за-

упрямиться. Умереть... Это слово начисто лишило ее воли к сопротивлению.

За ее спиной тетушка начала о чем-то пререкаться с городовым. Зазвучали слова «опека», «суд», «заявление», «права ребенка». Анна Рита не прислушивалась. Одной рукой держась за перила, а другой прижимая к себе подаренного мамой медведя, она поднималась по ступенькам на второй этаж, где помещались их спальни...

И слышала, как кто-то невидимый, но большой и тяжелый, крадется за нею по пятам. Крадется — и ждет ночи. И может быть, хорошо, что она уезжает отсюда — уезжает от того, кто убил ее родителей и мог бы убить ее саму.

Всю дорогу новоявленная тетя молчала, лишь изредка бросая короткие отрывистые фразы: «Не зевай!» или: «Иди за мной!» Девочка спешила за нею изо всех сил и почему-то ее не боялась. Этот день вообще принес ей много неприятностей — жуткая ночь, смерть родителей, появление дальней родственницы и предстоящая поездка, — чтобы в душе осталось хоть немного страха.

Все совершилось очень быстро. Нужные вещи — то, что Анна Рита хотела и могла взять — почему-то оказались на видном месте, словно их выложила сюда невидимая рука. Не пришлось даже ломать голову, что взять, а что бросить. Когда они вышли из дома, к калитке подкатил свободный извозчик, сам помог забраться пассажиркам и закрепил вещи на задке пролетки. Знакомые улочки городка промелькнули мимо, как сон, — и вот они уже на вокзале. Едва тетя купила билеты, как к парадному входу, грохоча колесами, подкатилась почтовая карета, где для путешественниц нашлось свободное место.

Только вид почтовой кареты и осознание того, что она все-таки поедет на ней, одновременно обрадовали и растормошили девочку. Ее родители ни разу не покидали городка, ни разу не возили дочку куда-нибудь за его пределы. О том, что на свете существуют другие города и страны, она узнавала из книг и разговоров. Например, ее родители были родом из разных городов и встретились совершенно случайно — мама пришла на прием к папе, который работал помощником зубного врача в земской больнице. Так они познакомились, стали встречаться, а потом поженились и пару лет то и дело переезжали, пока не родилась дочка и им не пришлось в голову осесть в первом по-

павшемся городке. Им довольно быстро удалось снять двухэтажный дом, где вся семья жила до недавнего времени.

Раньше мама иногда ходила с нею гулять на вокзал. Они прохаживались по улице, сидели в закуской, кивая знакомым, которые тоже пришли сюда — точно так же прогуляться и провести время за чашкой горячего шоколада. А если прибывала почтовая карета, местные кумушки, как мухи на мед, слетались на приезжих в надежде узнать первыми, кого ветром занесло в маленький захолустный Реченск и нет ли кого знакомого. Конечно, можно было дожидаться выхода газеты, где подробно перечислялись имена прибывших, но первыми узнавать новости так приятно! На боках карет попадались надписи — откуда и куда следует карета. И мама рассказывала девочке про те места. Но никогда не заговаривала о том, чтобы им самим куда-нибудь отправиться.

И вот Анна Рита оказалась внутри обитой старой вытертой кожей кареты и уселась на свободное место у окна. Здесь было тепло, пахло деревом, железом и еще чем-то, чем пахнут только почтовые кареты. Анна Рита удивленно озиралась по сторонам, рассматривая пассажиров и спеша набраться впечатлений. Народа было немного — пожилая пара, какой-то господин, с презрением смотревший в другую сторону и ни разу не проронивший ни звука, и испуганная молодая женщина в темном платье и шляпке с большими полями. Скорее всего, гувернантка, едущая наниматься на работу.

Носильщик забросил на крышу кареты и закрепил там большой чемодан и коробку, в которые сложили вещи девочки. При ней остался только плюшевый медведь и сумка с книжками и тетрадями — на новом месте ей тоже предстояло ходить в гимназию.

Едва усевшись, девочка прилипла носом к стеклу, рассматривая вокзал и улицу с другой стороны и с неожиданной тоской понимая, что больше никогда не увидит этот маленький городок. Здесь ее жизнь закончилась. А что будет впереди? Было страшно и интересно.

Раздался звон колокола. Щелчок кнута, протяжное: «Тро-огай!» — и почтовая карета, дернувшись, поехала, постепенно набирая ход. Рессор не было, она подпрыгивала и дрожала на выбоинах и ухабах. Провожающие замахали платками. Путешественники почти не отвечали им — только пожилая пара, улыбаясь светло и радостно, помахивала платочками. Де-

вочка вспомнила, что когда-то она точно так же вместе с мамой махала вслед отъезжающим, и неожиданно поняла, что она уезжает. Что все кончилось и никогда больше не повторится. Радость от предстоящей поездки сразу куда-то исчезла. В носу предательски защипало.

— Не плачь, — промолвила тетя. — Что случилось — то случилось, и поправить ничего нельзя. Ты живая, а они — мертвые. Живым надо жить.

— Моя мама. — Глаза сами собой наполнились слезами. Горло перехватило, и девочка только сдавленно всхлипнула.

— Она сама ступила на эту дорогу и прошла свой путь до конца. Что случилось — то случилось, — повторила родственница. — Теперь у тебя все будет по-другому. У тебя есть я, и я о тебе позабочусь. Ничего не бойся. Напомни еще раз, как тебя зовут?

— Анна Рита, — судорожно вздохнув, ответила девочка.

— Неправильно. Мы же с тобой договаривались, что я буду звать тебя просто Анной, — напомнила тетушка.

— Но это имя выбрала для меня мама. — Сейчас, когда родителей не стало, это показалось важным. — Она настояла...

— Не понимаю, почему? У тебя случайно не было сестры?

— Сестры? — От удивления слезы высохли моментально.

— Да. Сестры-близнеца, умершей во время рождения?

— Не знаю, — испугалась девочка. — Мама ничего такого не говорила.

Вернее, как-то странно отшучивалась, когда единственная дочка заговаривала о том, как бы ей хотелось маленькую сестренку или братика. У всех детей на их улице и даже на соседних имелись братья и сестры — кроме придурковатого сына кухарки — и только Анна Рита была одна-одинешенька. Но мама либо осаживала дочку: «Мне некогда!» — либо отшучивалась: «Ты у меня самая лучшая, второй такой никогда бы не получилось!» Лет до девяти девочка просила родителей о братике или сестренке, а потом смирилась, но теперь задумалась. Мысль о том, что у нее *могла быть* сестренка, которая умерла во младенчестве и в память о ней родители не собираются заводить больше детей, просто не приходила в голову.

— И очень жаль, — решительно заявила тетушка. — Но теперь тебя всегда будут звать Анной. Запомни это! Просто Анной, потому, что Маргарита — это я. А в семье не может быть

двух Маргарит одновременно. Всегда только Анна и Маргарита. Твоя мать...

— Мою маму звали Еленой, — вспомнила Анна. — И она не говорила, что у нее есть... была сестра.

Она рассчитывала, что тетя Маргарита сейчас расскажет что-то о родной сестре ее матери, но та лишь кивнула головой:

— Да. Елена была одна. С рождения она считала себя уникальной. Ее собственная мать, Анна, была моей сестрой-близнецом. В нашем роду вот уже девять поколений рождаются только девочки. И только двойняшки. И всех их называли Анной и Маргаритой.

— Почему? — против воли заинтересовалась девочка.

— Это традиция. Никто уже не помнит, откуда она взялась. Ей вот уже несколько столетий. Мы с сестрой Анной были девятыми близнецами подряд. Нашу маму звали Маргаритой, а воспитывала нас тетюшка Анна.

— Как это?

— Очень просто. Наша мама тоже умерла, когда мы были совсем маленькими. Меньше, чем ты сейчас. А тетюшка Анна была бездетна и взяла нас, сирот. Она и рассказала, что да как.

— И так было всегда? — удивилась девочка.

— Почти. Почти всегда были только две сестры. Одна рожала близнецов, а другая оставалась бездетной и помогала их воспитывать. В прежние времена женщины часто могли умереть раньше срока — например, при родах. Редко, очень редко, кроме близняшек на свет появлялся кто-то еще. За все девять поколений такое случалось лишь трижды — родились две девочки и мальчик.

— И где они теперь?

— Умерли, — равнодушно пожала плечами тетя Маргарита. — И уже очень давно, насколько я помню семейные хроники.

— А моя мама? — Девочка подумала, что, наверное, у ее мамы были две старшие сестры.

— Елена была не единственным ребенком в семье, если ты об этом. Анна дважды пыталась стать матерью, но выжила только Елена. Моя сестра носилась с нею, как курица с яйцом и ужасно ее разбаловала. Твоя мать была уверена, что она — особенная, что ее ждет необыкновенная судьба, раз она родилась одна и не получила родового имени. Ей не хотелось жить так,

как жили мы с ее матерью. В восемнадцать лет она убежала из дома.

— Как? — ахнула Анна. — Убежала? Совсем?

В гимназии, где она училась, иногда рассказывали истории о непослушных маленьких детях, которые, обидевшись на взрослых, по какой-то причине убежали из дома. Этих детей обычно подстерегали разные опасности и неприятности. Еще она читала книжку про мальчика, который решил убежать в жаркие страны, чтобы стать знаменитым охотником и путешественником, но его поймали на реке и вернули домой родителям. Но неужели ее собственная мама поступила так же?

— Совсем, — кивнула тетя Маргарита. — Оставила записку, чтобы ее не вздумали искать, что она уже взрослая и хочет сама выбирать свой путь. Но мы все равно ее нашли. Мы всегда всех находим, — добавила она каким-то странным тоном, отчего девочку передернуло.

Неожиданно Анна вспомнила о *ней*, появления которого все время ждала ее мать. Оказывается, это не «он», а «она». Ее бабушка?

— А где моя бабушка? — поинтересовалась она.

— Умерла, — поджала губы тетушка. — Поступок твоей матери разбил ее сердце. Постарайся не разбивать сердца мне. Ведь ты — последняя. Кроме тебя и меня, в нашем роду никого не осталось в живых!

Она сказала это таким тоном, что у Анны сразу пропало желание продолжать расспросы.

ГЛАВА 2

Дом был большой — в три этажа, с высоким чердаком, который вполне мог сойти за еще один этаж, там имелся даже маленький балкончик, просторным флигелем на первом этаже, башенками и массивным крыльцом. Небольшие окна с резными наличниками напоминали глаза — много глаз на насупленном лице. Дом был старинным — ему, наверное, было не меньше трехсот лет. И было видно, что парадное крыльцо его когда-то перестраивалось.

Служебных построек позади него было мало — два сарая, амбар для зерна и припасов, старая конюшня, маленькие грядки стиснутого ими огородика, каретный сарай, пустой и забро-

шенный, колодец, обложенный камнями, и чуть в отдалении, за кустами, виднелись крыши двух маленьких домиков непонятого назначения, судя по всему, давно уже нежилых. Но это Анна обнаружила потом — сейчас же она, подойдя к калитке, остановилась, озираясь по сторонам. Мимо нее прошел извозчик, тащивший ее вещи. Поставил чемодан и коробку на крыльцо, получил от тети Маргариты на чай и уехал, а девочка все стояла и смотрела по сторонам.

Перед домом раскинулся старый неухоженный сад. Не занятая им часть двора заросла сорной травой, но было видно, что когда-то тут была лужайка для игр и летнего отдыха. Широкая утоптанная дорожка вела от калитки к крыльцу, и от нее по саду вились тропинки. Возле дома стояло наполовину сухое дерево, кривое и уродливое. На первый взгляд дом казался заброшенным.

— Вот. — Тетя Маргарита открыла калитку и пропустила девочку внутрь. — Это теперь твой дом. Его оставил мне мой покойный муж. Дом очень старый, но еще крепкий и простоит не один десяток лет.

Анна, прижимая медведя и сумку с книгами к животу, пошла по дорожке. Двор был большой, крупнее, чем у соседней справа, но казался меньше из-за того, что его частично потеснил запущенный сад. Слева за забором раскинулись густые заросли ивняка, за которыми начинался спуск к неширокой речке.

То самое уродливое дерево возле крыльца привлекло ее внимание. Оно нависло над дорожкой, протягивая к гостье корявые ветви. Девочка невольно попятилась — ей вдруг померещилось, что дерево задвигалось само, нагибаясь, как живое.

— Не бойся, — прозвучал за спиной повелительный окрик тетушки. — Ты здесь главная! Шагай с поднятой головой и не смотри по сторонам. А ты — стой, где стоишь, и не смей ее пугать!

Анна удивилась — как можно приказывать дереву? — но оно, к ее удивлению, тотчас распрямилось и вроде как даже попятилось. Остановившись, девочка всмотрелась в основание ствола. Нет, точно! Раньше корни торчали из земли, а теперь погрузились в траву.

— Ой...

— Заметила? Хорошо. Не обращай внимания.

— Это волшебство? — догадалась девочка.

- Да.
- М-р-р...

Анна вздрогнула — на крыльце, оббив хвостом лапки, сидела пушистая двухцветная кошка — в черной шерсти тут и там виднелись рыжие волоски, а левая половина морды была ярко-рыжей, словно ее макнули в краску.

— Ой! Это ваша? — Девочка потянулась погладить кошку, и та ткнулась ей макушкой в ладонь, мурлыча и напрашиваясь на ласку.

— Нет. — Тетя Маргарита первая стала подниматься по ступеням. — Соседская. Она редко сюда приходит.

- Почему?
- Ее дома хорошо кормят.
- Ка-ар!

Анна подняла голову. На кривом дереве сидела ворона и, склонив голову набок, рассматривала ее так пристально и разумно, как могут эти птицы. Казалось, она вот-вот заговорит человеческим голосом. Кошка никак на ворону не среагировала. Зато когда на забор опустилась сорока, встопорщилась и зашипела. В траве что-то зашуршало — не то змея, не то крыса.

— Ой! — Девочка запрыгнула на крыльцо. — Сколько тут всяких зверей...

— Обычно их тут бывает намного меньше. — Тетя Маргарита втащила чемодан на крыльцо и отперла большой висячий замок. — Проходи.

— А у вас есть какое-нибудь животное? — Девочка последний раз обернулась на всех зверей и птиц — крыса, в траве действительно была крыса! — и прошла в темную переднюю.

— Нет. — Голос тетушки звучал уже откуда-то сверху. Присмотревшись, Анна заметила довольно крутую узкую лестницу. Ступеньки скрипели на разные голоса — казалось, старый дом о чем-то пытается рассказать новому жильцу. — А зачем?

— Ну... — Девочка пожала плечами. В ее представлении у всех пожилых дам есть любимая кошка на диване, маленькая собачонка, с которой она гуляет в старом парке, или хотя бы чиж в клетке. — Совсем-совсем никого?

— Совсем! — Тетушка одолела лестницу и смотрела сверху вниз. — У меня аллергия. Предупреждаю заранее, если ты вдруг захочешь притащить сюда эту кошку!

— Ммяу! — обиженно откликнулась та с порога. Потом встала, задрала хвост и важно спустилась с крыльца.

— Кстати, — добавила тетя, — прислуги у меня тоже нет. Так что не жди, что за тебя тут все будут делать!

С этими словами она ушла куда-то по коридору, оставив девочку одну на пороге дома.

Внезапно дверь захлопнулась. Щелкнул засов. Передняя погрузилась в полумрак — четыре небольших узких окна, затянутых темными шторками, не могли полностью разогнать темноту.

Анна вздрогнула. Она была уверена, что не дотрагивалась до двери и тем более не закрывала ее на засов. И сквозняка не было.

Вспыхнул свет, заставив ее вскрикнуть. Сама собой загорелась свеча на небольшом столике у стены. Возле него висело большое зеркало в витой раме. Рядом на салфетке лежал небольшой ридикюль, вязаный кошелек и перчатки. Но девочка едва заметила все это — в зеркале кроме нее отразился...

— Аа-а-а-а! — закричала она. — Маа-ама!

— Что? — крикнула тетушка, мгновенно появляясь на верхней ступени лестницы.

Анна стремительно обернулась — и крик застрял в горле. За спиной никого не было! Она глянула в зеркало — и опять наткнулась на пристальный взгляд...

— Там... там...

— Что ты там увидела?

— Призрак! — выпалила Анна первое, что пришло в голову. А кем еще было это существо, кроме как...

— Глупости! Там на стене висит портрет. Ты, наверное, увидела его.

Анна обернулась, всмотрелась в темноту — и действительно на противоположной стене увидела картину в старинной раме. Девочка подошла поближе — на старом, потемневшем от времени холсте был изображен молодой мужчина в старинной одежде. Такие камзолы и шляпы с перьями носили, наверное, лет сто или даже двести назад. Не сказать, чтобы он был красив, но приятное лицо было печально, а улыбка была какая-то странная, словно он пытался кого-то подбодрить.

— А кто это?

— Не знаю. — Тетушка спустилась на несколько ступенек и остановилась. — То ли дед, то ли прадед моего покойного мужа. Он умер молодым, но наверняка успел прославиться, раз его

портрет писал знаменитый Карло Паоло, когда путешествовал по стране!

Анна первый раз в жизни слышала о Карло Паоло, но вежливо кивнула головой.

— Налюбовалась? Иди сюда. Уже поздно. Пора спать.

Поздно? Девочка обернулась на окошки. Они с тетей Маргаритой провели в почтовой карете почти всю ночь — Анна спала, положив голову на колени своей новой родственнице. Остановились только часа в два на небольшом ямском дворе, где путешественницы дождались рассвета. Утром они пересели в другую карету, тряслись в ней еще восемь с половиной часов, если не считать двух небольших остановок. Выйдя на станции, путешественницы пообедали в привокзальном трактире, немного отдохнули и наняли извозчика — Дебричев был городком побольше, чем родной для Анны Реченск, и пешком дойти с одного края города до другого было слишком тяжело — тем более с большим чемоданом и коробкой. Сейчас было только часов шесть пополудни. Спать, когда на улице еще светло?

— Я не хочу спать. Я хочу есть.

— Ох уж эти дети! Вечно хотят есть... Мы же два часа как пообедали! Хорошо. Чай. Мы выпьем чай. С печеньем! — Последнее слово тетя Маргарита произнесла таким тоном, словно отдавала приказ невидимому слуге.

Громко, как будто на нее резко опустили что-то тяжелое, скрипнула одна ступенька. Затем — вторая, чуть ниже ее. Потом — третья. Анна попятилась.

— Не обращай внимания. Дом старый. Тут то и дело что-то скрипит и трещит. Ты привыкнешь. Он не такой ветхий, как тебе кажется! Поднимайся живее! До того как выпьешь чаю, ты должна осмотреть свою новую комнату!

Скрип замер где-то на третьей ступеньке снизу. Прижимая к груди сумку с книгами, Анна стала тихо подниматься вверх по лестнице. На той самой ступеньке она остановилась. Тихо протянула руку вперед, провела ею в воздухе, надеясь нащупать... Что? Привидение?

Тетя презрительно фыркнула, и девочка, устыдившись своего поступка, в несколько прыжков одолела лестницу. За ее спиной опять скрипнули ступеньки.

Портрет молодого человека в старинной одежде еще неско-

лько минут висел в темной передней, а потом сам собой растаял в воздухе.

Черно-рыжая кошка сидела на крыльце, обвив хвостом лапки, и вела себя чинно и благопристойно. И, может быть, поэтому большая серая крыса бесстрашно выбралась из высокой травы, подошла и села рядом на задние лапки. Несколько секунд внимательно смотрела на кошку, а потом начала лихорадочно умываться. Кошка смотрела на крысу с ленивым презрением во взоре.

Громко каркнула ворона, перелетая с дерева на перила крыльца. Сорока не присоединилась к ним — она перелетела на одно из растущих у калитки деревьев, выбрав наблюдательный пункт, чтобы удобнее было смотреть за окружающим. Громко крикнула, качнув хвостом.

— Ну, сестры, — мурлыкнула кошка, — и что вы рассмотрите-ули?

— Ничего, — пискнула крыса, намывая мордочку.

— Пр-релестно! Пр-релестно! — Ворона прошлась по перилам, уронила черно-зеленую кляксу.

— Неур-рвы? — протянула кошка.

— Ничего-ничего. — Крыса перестала мыть мордочку и стала двумя лапками яростно скрести шубку на боку. — Слишком мелкая...

— На себя посмотри-ри! — каркнула ворона.

— Выур-растет, — заурчала кошка. — Все были таким-ми...

— Долго ждать! — пискнула крыса. — И она совсем неуч...

Не умеет *видеть*. Не умеет *слышать*.

— Выы-ыучится... Мне нр-равится. Хор-рошая.

— Выучим! — каркнула ворона.

— Да-да-да-да! — напомнила о себе сорока из ветвей.

— Ничего-ничего, — в третий раз пискнула крыса и принялась вылизывать свой живот. — Вот увидите! Ничего у вас не получится!

И поскорее шмыгнула в траву, пока кошка и ворона не накинулись на нее и не начали трепать. Сорока насмешливо застрекотала, скача с ветки на ветку своего наблюдательного пункта.

— М-может, нанесем-м визит? — Помолчав, кошка подняла переднюю лапку и лизнула ее несколько раз.

— Пор-ра? — Ворона стукнула клювом по перилам.